

Спогади Степана Садового про перебування у нацистських концтаборах, написані у 1980-х роках

Началась Великая Отечественная война.

Я работал слесарем ф-ки №3 Кинопленки г. Шостки. Здесь сформировался истребительный батальон в состав которого вошел и я. С приближением фронта мы несколько раз выезжали на прочесывание лесных массивов по выявлению вражеских лазутчиков. Вооружены мы были двухствольными охотничьими ружьями, патроны были заряжены крупной дробью и картечью. 25 июня 1941 года я был призван в армию вместе с односельчанином Малышок Николаем Влад., но был возвращен с военкомата домой. Снова работал, выезжал с истребительным батальоном и до 25 августа 1941 года еще дважды призывался в армию и оба раза с военкомата возвращали домой до особого распоряжения. С 25 на 26 августа 1941 г. враг обошел Шостку и выехали часть тех людей, кто работал в ночную смену. Нас всех отправили домой за бельем и продуктами на трое суток. Так мы очутились в оккупации. По неизвестной причине в оккупации оказались все рабочие, работавшие на предприятиях города Шостки. Что предпринять? Начался грабеж предприятий, в основном, спирт.

Возобновились передачи трансляции радио. Немцы все время твердили, что скоро Москва будет взята. Мне удалось найти в лесу три винтовки, патроны к ним, ящик гранат с запалами, все это я спрятал в себясаду, все было смазано и зарыто в землю. Вскоре друг детства Леня Угня сказал мне, что у его есть спрятан в лесу пулемет. Мы отправились с ним туда и принесли все снаряжение на торфоразработку.. это был пулемет Дехтярова, с ним я был знаком т.к. изучал в школе ФЗУ. Испытав его работу, мы спрятали сам пулемет под крышу сторожевой будки, а диск с патронами и затворную раму зарыли в землю. Немцев в селе еще не было, но два мессершмидта ежедневно по несколько раз летали над селом, низко, нахально. Мы решили с соседом Ваней Малышком проучить нахалов. Взяв винтовку, мы стреляли по самолету поочередно. Один из выстрелов достиг цели, у самолета что-то заскрежетало, повалил лёгкий дым, самолет снизился и полетел на запад. А второй опустился и начал обстреливать улицу и дома. После мы нашли несколько длинных пуль – это были зажигательные. Позже самолеты над селом больше не летали. Все ближе наступала зима. Немцы прославляли свою армию и говорили, что войска фюрера ведут бои на улицах Москвы. Однажды мы с Ваней Малышок пошли в Шостку и в реденьком леску нашли около двадцати советских листовок, в которых говорилось о полном разгроме фашистов под Москвой. Я спрятал листовки под рубаху и мы отправились в центр города. Там, у памятника погибших людей в 1917-1920 годах, против немецкой комендатуры на деревянном щите висела немецкая газета на русском языке. Около ее часто

останавливались прохожие и я приклеил на газету листовку. Синеватая ее бумага резко выделялась на белом фоне газеты. Все кто подходил к газете, увидев листовку, резко шарахались и убегали прочь. Остальные листовки я повсовывал в ящики для газет по улице Ленина, часть отдал военнопленным в школе №2, жителю улицы Депутатской – Олегу. Одну из них приклеил у здания сельской управы села Ображевки, на следующий день ее рьяно соскабливали полиция по указке старосты Пакало.

Уйти к партизанам не было возможности, ибо о них ничего не было слышно. Всю зиму находился дома иногда работал на рядовых работах: расчищали снег на дорогах, убирал навоз на конюшне. Однажды меня встретила Евфросиния Ивановна, работавшая ветврачем в Шостке и передала мне какие-то порошки, сказала, чтобы это все в несколько приемов я разбавил в воду, которую должны были выпить лошади-молодняк. В этом мне помогла Чещевая Христя Дмитриевна, наш ветфельдшер. Результат – больше ста голов лошадей-молодняка погибли. Этих лошадей по словам Евфросинии Ивановны немцы должны были вывезти в Германию. 10 мая 1942 года меня и моих товарищей Садового Алексея, Осипенко Николая и Зайцева Бориса арестовали полиция Суковатый Ф. и Андрусенко и отконвоировали в Шостку, отсюда нас целый транспорт отправили в Германию. Сделали попытку бежать с Н-Севорского, но предатель сразу же о нашем побеге доложил немецким конвоирам.

Через неделю пути нас привезли в гор. Бромберг (Быдгощ) в Польше, где послали работать на строящийся пороховой завод. Начал заводить знакомство с людьми? вражески настроенными против немцев. Это был поляк Бернгарт и немец-антифашист, работавший под документами бельгийца. От них я узнавал все сведения о ходе войны на Восточном фронте. Договорились с ними, что наша помощь в борьбе с гитлеризмом это пропаганда и саботаж. Первую акцию саботажа мы устроили совместно с Иваном Петренко. При транспортировке механической пилы по металлу мы ее «не удержали» и вывели со строя на полмесяца. Нам грозили гестапо, но мы в «поте лица» ремонтировали ее. Я узнал, что Алексей Садовой работает на Вальцах по производству пороха и тотчас направился к нему. Он рассказал, что достаточно малой крупицы металла в пороховую смесь и восемьдесят килограммов пороха взлетают в воздух. Ожидать не стали, сразу и сделали. С места взрыва мне пришлось быстро улепетывать, при этом я позаимствовал у немца-мастера его велосипед. С того дня начали часто гореть вальцы, а ведь каждый из них давал за один замес восемьдесят килограммов пороха.

Участились побегии наших людей, но всех их вылавливали и отправляли в концлагеря. Через немца Вернера Пельца и поляка Яцека мне удалось достать компас и карту и передать Чайке из Воронежа.

Через жительницу Журу Екатерину Антоновну в Бромберг пришло письмо, где сообщалось, что фашисты расстреляли 18 активистов в Ображеевке, в том числе моего отца и отца моего друга Ивана Вареника. И

тогда мы поклялись за их смерть мстить фашистам. К нам присоединился Иван Диденко из Киева, и мы повели повсеместную пропаганду против фашизма. Среди литовцев работал Миша. Он указывал нам среди своих сограждан неблагонадежных и друзей, французы Ла Коста, Анри, Мишел ежедневно общались с нами, и вся их цель была во время отпуска домой – бежать у Маки. Даже союзник немцев итальянец Стефано слушал нас и подбирал среди своих надежного.

После разгрома немцев под Сталинградом русские, как нас там называли, запели и не только безвинные песни, но и революционные. Запевалой был Андрей Гавриленко из Ивота. Иногда нам разрешали погулять на стыке женского, третьего и четвертого лагерей. Здесь мы пели, обменивались мнениями, вели пропаганду. Привезенные к нам молодые югославы-сербы были нами обработаны ровно за считанные дни и они стали еще более яркими противниками фашизма. Здесь очень помогал нам Иван Марченко. 23 августа 1943 года я узнал о большом разгроме фашистов у Харькова, где они потеряли 18 разгромленных дивизий и во все услышанье объявили, кто был на гулянье. Но не дремало и гестапо. 25 августа я, Вареник, Степанищенко, Саша из Махачкалы были арестованы. Среди нас был и предатель, который выдал нас, он был на следующий день освобожден, а вместо его был арестован и привезен в гестапо наш друг и ярый борец против фашизма – Иван Эмануилович Диденко. Две недели нас обрабатывали в гестапо, пять суток в подвале с водой, камера смертников, поездка за песком, строительство тира, попытка к бегству. Допросы и вывоз в Торунь, Маргенбург, приговор – пожизненное заключение в концентрационных лагерях. Начало сентября – Штутгоф, ноябрь-декабрь – Бухенвальд, 15 декабря – Дора, 5 апреля – транспорт в Берген-Бельзен, 14 апреля – освобождение.

Штутгоф – это страшный лагерь смерти, где у власти были в основном после ээсовцев поляки, ярые националисты, отпетые бандиты не только в пабочих командах, но и в шрайбштубах, ревире, блоковые, капо. Здесь русских ненавидели, жестоко избивали, уничтожали везде и всюду. Был очень жесткий лагерный режим. В обед получали баланду пробегая 20 метров без шапки к бачку с едой, вечером проверки длились по несколько часов, все работы выполнялись вручную, грузы переносились и переводились на себе. Жестокостью отличились врачи Войженович, Качинский, лагерным начальством блоковым Мишка из четвертого. Никакого подполья искать не нужно.

Бухенвальд – совершенная противоположность Штутгофу. Во власти здесь были немцы-коммунисты, был идеальный порядок в распределении пищи среди узников, избиением занимались только ээсовцы. Заключение дружили между собой, чувствовалась руководящая невидимая рука движения сопротивления фашизму. Жестокость была здесь только в малом лагере, лагере военнопленных и в ревире и хитром домике, в каменеломне. Дора – подземный ад, сначала филиал Бухенвальда, а с 1944 года самостоятельный лагерь. Здесь

жили заключенные под землей, спали на боксах по 90 человек, работали по 12 часов. Здесь же лежало 36 Галле около восьми тысяч трупов. На поверхности строился лагерь, краматорий. Из Бухенвальда сюда были направлены 62 немца коммуниста, они возглавили антифранцузское движение сопротивление. Руководил всем движением член политбюро Германской Коммунистической партии, верный соратник Эрнста Тельмана – Альберт Кунц. Крупной подпольной организацией в лагере была организация русских узников. Во главе ее стояли советские офицеры – Семен Яловой, Николай Петренко, Сашка-Рубашка, Дмитрий Диденко. Для конспирации все подполье делилось на группы по 3 человека, на них один одного из следующего звена. Я был связан с Николаем Петренко и Василием Графовыми из Шостки. Участниками движения подпольного сопротивления были Николай Бебеев, Володя Беликов, Вася Матющенко, французы, бельгиец. Имен не помню.

Основная работа подполья – саботаж, чтобы самолет-снаряд-ракета ФАУ-2 не взлетела. Нами велась большая работа по пропаганде среди гражданских рабочих-мастеров, где можно-----портились и уничтожались детали для ФАУ.

Я вступил в контакт с немцем-коммунистом Отто Штольц, который сообщал мне все сведения о событиях на фронте, приносил мне газеты, которые я передавал в лагере Николая Петренко (он работал на кухне). Впоследствии мы готовились к восстанию, делали холодное оружие – ножи, пилы, все приносили в лагерь и прятали. Но нашелся предатель и заговор был раскрыт, все 62 немца-коммуниста погибли, погибло более ста семидесяти человек русских.